

В ТИХОЙ ДОРОГЕ

крайний дом Польнцева, в котором вечером никогда почти не было видно огней, стоял печально и угрюмо, придавая какую-то скуку, свалившись на один бок.

От него и начиналась беспросветная мгла и безлюдная дорога в Енисейск.

Тот, кто ездил всю жизнь по этой дороге в ночную пору тот и знает, какая эта была тогда эта дорога. Это наш любимый тракт. Он ровный, гладкий, на нем мало поворотов. Но что-то в нем не хватало. Выежая из середины деревни в полночь можно было еще чувствовать предчувствие человека по запаху осинового дыма или кое-где проснетесь дворовый пёс успеет вдогонку поварчать.

Но от дома Польнцева могильная тишина внушала какой-то страх. Вот миновали последний мостик, который виден был еще от ворот Польнцева. А впереди как черная туча стоял ельник, влево кладбище чернело своей изгородью, от которого всякий отварачивался и не хотел о нем думать в дороге.

Мученьем и терпеньем обкладывали себя те, кто был одиноким в этом пути с лошаденкой, переступавшей с ноги на ногу.

Утешая себя мысленно попадется ли какой человек или какое живое существо, или в дали колокольчик едущего впереди, я вспоминаю эти ночи еще с детства и рассчитывать на колокольчик или на одинокий огонек было трудно.

Какая была радость, если б на пути возвращался какой-нибудь подводчик, тем более под перевозом, где был самый скучный участок дороги. И как было необходимо обменяться словами и узнать дорогу впереди.

минутный разговор как будто подвеселивал и разгонял сон, так разнежались друзья, думая, что только сейчас за ними закрылись домашние двери, и снова тишина.

"Но, Сивка, пошел недалеко еще осталось до Прутовой".
Но до Прутовой было еще далеко.

Двадцатичетырехкилометровое расстояние до Прутовой было самое отвратительное для пешехода и ямщика. Здесь не было надежды почему-то встретить человека. Но вот Ржакowski сворот напоминал о том, что где-то здесь в лесу, который не видно, таится маленькая Ржаковка. Ржакowski сворот-чуть заметная дорожка заставляла многих останавливаться, хотя останавливаться совершенно было незачем.

Но люди отдавали какую-то почесть предчувствию человеческого духа. Стряхнув снег с дохи, потряс оглобли только и всего. Путь продолжился дальше. Но какое-то оцепенение брало свое. До Прутовой на пути оставалось еще деревня Кузьминка, которая была в стороне, как и Ржаково.

Кузьминка еще с вечера спала мертвым сном, засыпанная снегом. Исключительная беднота этой деревни никогда не показывалась на улицу, ее девять дворов были как на отшибе. В конце концов Кузьминка оставалась позади саней.

Маклаковцы хорошо знали: как-никак, а половина пути осталась позади.

Как клонит ко сну в дороге, проехать до сорока километров и не встретить человека.

Злющий мороз забирался за пазуху и всюду пронизывал. Эх, скорей бы доехать до Прутовой. Там же будет три деревни

до Енисейска, да и рассвет будет приближаться. Побравшись до Прутовой, с плеч как гора сваливалась.

Подумайте дорогой читатель, какая необходимость заставляла ехать в город в ночную пору и непогоду. Все это заставляла великая нужда того времени. Везти в город одинокого пассажира или воз картошки, тщательного укупаренного шубенками, половиками и разным трепьем. Не обходилось в дороге и без капризов. Бывало и так: переметенная дорога снегом изнуряла лошадь, которая с трудом топила свой воз. И вдруг попадаетея огромный обоз, растянувшийся на километр. На узкой дороге не могли спокойно раз"ехаться, получался спор. Безжалостно одинокую лошаденку толкали по мимо дороги в снег, где она утапала по самое уши. Выбившись из сил, лошадь падала на бок, порхаясь не могла встать. Хозяин выпрягал и вытаскивал свой товар на дорогу и снова запрягал свои остывшими руками.

В настоявшись вдоволь на базаре, мужик получал за свой товар полтора-два рубля.

По сравнению с настоящей дорогой покажется невероятнo, что дорога после метели настоялько была узкой, что лошади не запрягались парой/рядом/, он запрягались *иногда* *запря запря*. Но та же пара лошадей запрягалась иначе. Первая лошадь в кореннике, вторая на постромках *впереди*. Эта запряжка называлась гусем. Если этого было недостаточно, подпрягалась еще одна лошадь впереди, называлась тигой.

В редких случаях, как модным делом, запряжка была так: две лошади рядом и одна впереди, называлось бочкой.

Проезжие разные купцы, чиновники-пассажиры выбирали себе запряжку по вкусу и карману.

Для управления такой запряжкой ямщик должен быть хорошо опытный. Его длинным гусевой бич далеко тащился позади и доставал переднюю лошадь.

Маклаково всегда была готова принять вечерних гостей. этих гостей можно было и не видеть, но слышать, когда они были еще в трех километрах от Маклаковой.

это подвезжали ямщики, которые везли тяжелый неделимый груз для северных приисков: огромный маховик, турбину, паровой котел. эти большие тяжести везли на больших ваях за сотни километров по узкой снежной дороге через Маклакову.

До двадцати пяти лошадей запрягалось только гусем:

Почему маклаковцы хорошо знали еще из дали, какой идет обоз и с каким грузом. это легко было определить по скрипу саней и по выкрикам сопровождающих.

Многие маклаковцы с малых лет до глубокой старости ходили и ездили по этой дороге, рассказывая приключения и небылицы. По рассказам старожилых братьев Васильевых Ф.Ф. и Егора Ф., что в его жизни весь тракт перемеривался от Красноярска до Енисейска много раз. и всегда находилось наверно в расстоянии. толстые веревные столбы указывали двухстороннее расстояние. Проезжая до полсамого верстового столба, можно было узнать, сколько от Маклаковой и сколько от Енисейска. Для разъяснения читателю надо сказать, что расстояние указывалось на столбах не от Красноярска, как это сейчас, а от деревни до деревни.

Получалось два впечатления ходьба зимой и летом. Летом же было гораздо веселее ходить, хотя в то время еще

не было на пути жилья: ни старой инвалидки, ни новой инвалидки, ни Байкала, ни завода, который сейчас красуется за р. Шадрихой. Такое же было одиночество, как зимой. Но летом было веселей.

В тиши автору вспомнилось, как сам испытал эту ходьбу и что глаза его видели. Вот и возникла мысль кому-то все рассказать, какое огромное значение имеет наша дорога.

Это не тот год, когда от всех волостей назначались люди и лошади для засыпки своих участков гравием.